

Таким увидел его теоретик и историк кино Лев Рошаль, создавший в своей книге* на редкость красивый портрет «агитатора, горлана, главаря», художника революции, первопроходца новых, и по сей день не до конца изведанных путей документального киноискусства — Дзиги Вертова.

В чем секрет привлекательности этого портрета, в чем его новизна? Разве не все было сказано в десятках статей и трактатов о Вертове с тех пор, как он, правда, не сразу, а с течением времени занял добавочное ему место среди классиков мирового кино?

Оказывается, не все. И необычность нового портрета объясняется тем (не удивляйтесь!), что это портрет художественный. В том смысле, в каком художественность понимал сам Дзига Вертов, извлекая из документального факта волнующий образ времени и образ героя.

* Л. Рошаль. Дзига Вертов. Издательство «Искусство», 1982.

Знатоки киноведения сразу поймут, какую массу архивных материалов он переворачивал и заново пересмотрел. И сделал это не зря: открылось много неизвестных строчек, страниц, деталей... Но главная удача автора все же в ином... В соединении скрупулезности исследования с образной яркостью и увлекательностью рассказа о творческих исканиях Вертова.

В самом характере рассказа есть нечто от вертовской стилистики... Так, главы авторские, написанные живо и интересно, перемежаются острыми монтажными цитатами «Глаза газет», где сталкиваются друг с другом фрагменты газетных рецензий. Их монтажное скрепление, иногда контрастное, позволяет лучше ощутить накал полемики вокруг вертовского творчества.

Книга Льва Рошала хороша тем, что развеивает ходячие легенды о биографии Вертова. Почитаешь иные труды, и покажется, что Вертов так легко перескакивал от одной вершины к другой: «Ленинская

Кино-Правда»... «Шагай, Совет!»... «Шестая часть мира»... «Симфония Донбасса»... «Три песни о Ленине»... Успех за успехом... Тихо да гладь... За восторженными аннотациями на классические ленты теряются драматизм исканий, острота борьбы Вертова с идейными противниками и с теми «своими», кто не умел или не хотел его понять... И борьбы с самим собой... А без этого всего размывается образ Дзиги Вертова, мужественного художника-новатора, ставившего превыше всего служение каждой своей лентой делу коммунистической перестройки мира.

Дзига Вертов, как никто другой, презирал бесцельное формотворчество, игру скачущих снов. С одержимостью первооткрывателя он искал выразительность кинокадра, поднимавшую факт до образа времени. Этой цели, а не другой служили то «разлом» кадра, то рапид, то небывалый ракурс, то «монтажный взрыв», то песенный ритм.

Лев Рошаль по-новому раскрывает сущность вертовской

идей «киноглаза», выходящую далеко за пределы пристального, но пассивного разглядывания современности. И столь же четко анализирует вертовский лозунг «жизнь врасплох». Дело вовсе не сводилось к собиранию случайных зарисовок: речь шла об отказе от украшательства, о поиске правды, раскрывающей движение жизни.

Случались на таком пути издержки? Да. Но они не изменяли ни направления, ни сути новаторского поиска. Обо всем этом полезно вспомнить в ту пору, когда теория и практика Вертова продолжают оказывать могучее влияние на все мировое киноискусство.

«Киноправда» Вертова во французском переводе давно уже обратилась в «синема-верите», и под таким названием поднялось широкое демократическое движение в экранной документалистике (вероятно, об этом стоило бы рассказать в книге подробнее).

Стремясь одолеть революционные начала в творчестве «киноправдивов», вокруг них засу-

етились критики-эстеты, каждый из которых по-своему переиначивал творческое кредо Вертова... То он предстал как досужий эссеист, вроде бы забывавшийся оптической деформацией природы. То вертовская «жизнь врасплох» толковалась в духе «прямого кино»: хоть ставь робота с кинокамерой посреди улицы и пусть снимает что попадет. Можно ли вообразить что-либо более несовместимое с принципами Вертова, чем бездумное созерцательство? Более чуждое характеру страстного пропагандиста, избравшего своим девизом «коммунистическую распифровку действительности»? И не просто девизом, но делом всей своей жизни!

Книга Льва Рошала разрушает множество химер, возникших в западной литературе о Вертове. Но не только в этом ее актуальность. Говорящая, казалось бы, о прошлом, она выводит мысли Вертова в сегодняшний день.

Сегодня мы вновь говорим о потерях, которые приносит не-

внимание к выразительности и образной силе репортажного кадра, к художественным возможностям монтажа... Критикуем тех, кто с ремесленной ловкостью подклеивает вялые киноиллюстрации к риторическому тексту в наивном убеждении, что это и есть экранная публицистика... Радеем удачам авторского документального кино, дающего новую остроту видения мира... С удовольствием слушаем голоса современников, говорящих с экрана искренне и непосредственно, не «по бумажке». И вспоминаем вертовскую Бетонщицу, которая впервые заговорила перед кинокамерой вот так, по-своему от чистого сердца...

Открывая новое в документальном кино, Дзига Вертов шагал далеко впереди своего времени. Творческое наследие Вертова, которое так глубоко и всесторонне оценил в своей книге Л. Рошаль, осталось для нас живым наследием.

Александр
НОВОГРУДСКИЙ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР.